

ОТРЫВОК ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ПОЛУДЕННОЙ ФРАНЦИИ

МАРСЕЛЬ
ПИСЬМО XLIII

31/19 января 1821

С того времени, как мы живем вдвоем, я познакомился гораздо короче с нашим молодым художником; * с дня на день нахожу в нем более и более расположения ко всему прекрасному и высокому. Один из наших спутников оставил мне здесь свою небольшую библиотеку немецких классиков: наш живописец еще очень мало читал; стараюсь его несколько познакомить с отечественною его словесностию. Иногда вечером мы читаем вместе или сильного, страстного Бюргера, или божественного мечтателя Шиллера, или милого певца Гельти; нередко книга упадает у меня из рук и неприметно начинается у нас разговор о природе, о поэзии, о сердце человеческом. Эти вечера, мой Д...¹, меня всякий раз переносят в наш родимый Лицей, в наш фехтовальный зал, где мы с тобою читали тех же самых поэтов и нередко с непонятным каким-то трепетом углублялись в те же таинства красоты и гармонии, страстей и страдания, наслаждения и чувствительности! Может быть, мой друг, и ты вспомнишь лета нашей беспечности и ее радости, когда сообщу тебе содержание нашего вчерашнего разговора.

Мой юноша признался мне, что некогда при имени поэта представлял себе полубога без слабостей и пороков.

* Живописцем, которого А. Л. Нарышкин взял с собой из Дрездена.

Ныне, читая их жизнь, он видит, что по большей части их душа была возмущаема страстями, что они нередко писали иначе, нежели жили: это противоречие его мучит; он готов счесть их лицемерами! Что отвечать ему на его сомнения? Ужели, кроме дарования, ничто не возвышает великого певца над толпою? Поэт — принимаю это слово в самом высоком значении — всегда говорит то, что чувствует: искренность — первое условие вдохновения. Итак, в то мгновение, когда он учит времена и народы и разгадывает тайны провидения, он точно есть полубог, без слабостей, без пороков, без всего земного. Но самая способность к вдохновениям предполагает пламенную душу, ибо только пламя может вспылать к небу! Что же есть пища сего пламени? Великие страсти. Они молчат, они исчезают, когда орел летит к солнцу; но потом голод гонит его с высоты, он падет на добычу и вонзает в ее бока когти; ужели за то вы уподобите орла ворону? Есть сильные или холодные души, которые могут на всю жизнь сковать свои страсти: но они не знают вдохновения! Курций² был пылкий юноша; я уверен, что он не чуждался даров Венериных и Вакховых! Педант в своем кабинете и глупый мещанин в харчевне судят о великих полководцах и говорят с видом решительным: «Наполеон здесь сделал ошибку непростибельную; Суворов должен был предпринять такое-то движение; Кутузов забыл то, опустил другое, не успел совершить третье!» Потом наши мудрецы смотрят кругом себя и, кажется, ожидают, чтобы все почтенные слушатели закричали в один голос: «О! В сравнении с вами, милостивые государи, Наполеон и Суворов школьники!» То же с поэтами: им завидуют и в то же время желают показать презрение к их дарованию. Но чернь не способна даже к заблуждениям душ великих. Люди, странные, непонятные создания! Вы гоните и ненавидите ваших благодетелей: наслаждайтесь их гением; идите по пути, который вам указывают, и помните, что они живут среди пороков и развращения, живут между вами, что душа их способнее вашей принимать впечатления и легче увлекается властительной минутою. Почему брызжет жаба яд на смиренного светляка? Он блесит, ибо блеснуть и жить для него одно и то же: он и не думал гордиться перед нею блеском своим! И если бы вы знали, враги дарования, если бы вы знали, какою ценою оно покупается! Поэт некоторым образом перестает быть человеком: для него уже нет земного счастья. Он постигнул высшее сладострастие, и наслажде-

ния мира никогда не заменят ему порывов вдохновения, столь редких и оставляющих по себе пустоту столь ужасную! Он блуждает по земле, как изгнанник, ищет и никогда не находит успокоения. Узы семейственной жизни для него милы, но тягостны; он понимает тихое счастье, но не способен к нему. В одних бурях, в борьбе с неумолимою судьбою взор его проясняется и грудь дышит свободнее: жизнь и движение — вот его стихия! Он с радостью погибнет средь общего разрушения под гулом грома и при зареве пожаров, но не в состоянии без ропота доживать свой век среди мелких страстей и сплетней, в толпе набожных Ксантипп³, глупых остряков и тех презрительных юношей, которые, будучи заранее посвящены во все таинства притворства и благопристойности, развратны до гнусной отвратительности, но умеют скрыть свое распутство от глаз света и пользуются особенною милостию молодых и старых раздавательниц доброго имени. Поэт предпочитает страдание вялому, мертвому спокойствию. Итак, простите ему, если он не всегда стоик, если, желая чем-нибудь наполнить душу, желая дать хотя какой-нибудь предмет своему внутреннему волнению, он иногда разделяет с вами ваши нечистые наслаждения и в своей беспечности забывает осторожность, которая прикрывает ваши заблуждения непроницаемою завесою!

Страстный, пламенный, чувствительный юноша решился быть поэтом: удивитесь, по крайней мере, его отважности! Он прочел опыты тех своих предшественников, которых смерть скосила несозревших или которым страсти, судьба и люди оборвали наконец крылья. Он бродил между их творениями; между сими дикими развалинами пышного, недостроенного храма. Может быть, они были бы бессмертны, если бы было слабее пламя, пылавшее в их персях! Он знает все это, знает, что его ожидают труды алкидовы⁴, клевета, гонения, бедность, предательство, ненависть, — ненависть самых друзей его и покровителей, ибо он не исполнит их требований и уничтожит все расчеты и надежды их! Умри он с голоду, пожмут плечми и скажут: мы это предвидели! и пусть благодарят их все поэты времен настоящего, минувшего и будущего, если не прибавят: ничто же ему!!! Юноша-гений знает все это — и решается быть поэтом.

В обществе живописец говорит: «Я живописец»; купец: «Я купец»; и бестолковый барин: «Я князь такой-то!» — и притом надувает подзобок, нос возносит к небесам и не

замечает смиренных поклонов своих ласкателей! Скажи поэт: «Я поэт»,— и со всех сторон подымется громкий хохот. «Почему?» — спросил я однажды двух моих знакомых; они оба утверждали, что свет совершенно прав, но долго не могли доказать, почему он прав. Бившись с четверть часа, наконец один из них сказал вполголоса: «C'est comme qui dirait je suis vertueux!» *

Мы замолчали. Не знаю, чувствовал ли мой приятель всю силу, весь вес своего золотого изречения!

«Поэзия есть добродетель!» — говорит и Жуковский; но чернь вправе не поверить поэту Жуковскому. В устах же человека вовсе непоэтического это: «comme qui dirait» неощененно! Повторим же: поэзия есть добродетель, и душа вдохновения сохраняет в самом падении любовь к добродетели, в самых пороках она ищет великого; ее заблуждения подобны грозному водопаду, извержениям Везувия и роко-ту грома небесного: они разрушают, но в то же время изумляют и возбуждают благоговение! Но не всякий — даже хороший стихотворец может называться поэтом: напротив, всякий муж необыкновенный, с сильными страстями, пролагающий себе *свой собственный* путь в мире,— есть уже поэт, если бы он и никогда не писывал стихов и даже не учился грамоте. Аттила и Говард⁵ такие же поэты, как Руссо, Жан-Поль и Байрон! Буало — великий стихотворец, а г.г. Ф. и Ц. ввали, несмотря на рифмы и глупость произведений их. Вернейший признак души поэтической — страсть к высокому и прекрасному: для холодного, для вялого, для сердца испорченного необходимы правила, как цепь для злой собаки, а хлыст для ленивой лошади; но поэт действует по вдохновению и столь же мало гордится своею жизнью, как своими творениями, ибо чувствует, что все, ему данное, есть дар свыше, а он только бренный сосуд той божественной силы, которая обновляет и возрождает человечество!

ОТРЫВОК ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ПОЛУДЕННОЙ ФРАНЦИИ...

Впервые — «Мнемозина», 1824, ч. IV, М., с. 66—74. Дата написания, как свидетельствует пометка первой публикации, — 1821 год.

¹ *Мой Д...* — по-видимому, Дельвиг.

² *Курций* — римский юноша, по преданию пожертвовавший собою ради общего блага.

³ *Ксантиппа* — жена Сократа, имя которой стало нарицательным для обозначения злой, сварливой женщины.

⁴ *Алкид* (или *Геракл*) — греческий народный герой, совершивший множество подвигов. Труды алкидовы, то есть тяжелейшие труды.

⁵ Скорее всего имеется в виду *Д. Говард* — сподвижник английского короля *Ричарда III*, павший вместе с ним в битве при *Босворте*